

Новые референции концепта «земля» в русской литературе революционных лет (1917–1920-е)*

ОЛЬГА БОГДАНОВА

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук,
ул. Поварская, д. 25а, RU-121069 Москва
E-mail: olgabogda@yandex.ru

(Received: 26 May 2017; accepted: 4 September 2017)

Abstract: The paper demonstrates the change in the topic of Russian literature under the pressure of revolutionary events in Russia from 1917 to 1921. The author considers the gap between the concepts of “land” and “people”, traditionally indivisible in the Russian linguistic image of the world. On the one hand, the “motherland” plays a redemptive role in relation to the people betrayed by her, on the other, being ready to take them into her space, she is more worthy than her people. Historical and biblical analogies are also given in the paper. The author traces the deconstruction of the concept “people” in Russian literature in the 20th century and at the turn of the 20th and the 21st century. She determines the connection of this process not only to the unique history of 20th-century Russia but also to the worldwide globalization process and notes the apparent weakening of the traditional relationship between “lands” and their people. The author analyzes the works written by D. Merezhkovsky, S. Bulgakov, M. Prishvin, A. Remizov, S. Durylin, and M. Voloshin between 1917 and 1920. She uses historical-typological and hermeneutical methods and also conceptual and mythopoetic approaches in her paper.

Keywords: Russian literature, revolution, concepts, ground, people, mass

Ставший достоянием литературоведения в середине XX в. благодаря научной деятельности Э. Р. Курциуса, термин «топос» обнаружил свою востребованность и продуктивность (см. Махов 2004: 401). В современной науке о литературе топосы – это «регулярно повторяющиеся в творчестве писателя и в системе культуры формулы, мифы, мотивы и другие разновидности художественного образа, имеющие особые пространственные характеристики... и несущие устойчивые смысловые значения...» (Булгакова 2008: 14, 55). По Э. Р. Курциусу, «всеприсутствие в европейской литературе топосов должно было... показать непрерывность линии, ведущей от античности к Новому времени» (Махов 2008: 264), свидетельствовать о единстве всей европейской культуры.

В русской науке предтечей учения о топосах стала «Историческая поэтика» А. Н. Веселовского с ее задачей «определить роль и границы предания в процессе личного творчества» (Веселовский 1989: 299). Говоря о «преда-

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709).

нии», Веселовский подразумевал не только повторяемость от поколения к поколению мотивов, сюжетов, элементов речевого стиля, но также и «нарастающего» в процессе истории «идеального содержания», «собираательной психики», «единства психологических процессов» (ВЕСЕЛОВСКИЙ 1989: 299, 303–304). В соответствии с этим взглядом топика является частью и одним из способов трансляции культурного «предания», традиции. По мысли А. М. Панченко, «взгляд на искусство как на „эволюционирующую топикку“... завещан нам фольклором и древнерусской письменностью» (ПАНЧЕНКО 1986: 236).

В определениях русских ученых содержится идея о двойственном характере топосов: не только об их неизменности, но и об определенной динамике. В самом деле, топосы «не являются принадлежностью индивидуального сознания», это «коллективны[е] представления, хотя проявляю[щиеся] в личном опыте. В индивидуальной интерпретации они приобретают новые оттенки значения и актуализируют тот смысл, который детерминируется... конкретной культурной эпох[ой]...» (БУЛГАКОВА 2008: 16). Очевидно, что медленная эволюция семантики присуща топосам на протяжении столетий их бытования в той или иной культуре; однако резкая смена социокультурных парадигм способна, по-видимому, породить в топике сдвиги, деформирующие ее устоявшуюся структуру, а значит, ставящие под угрозу ее идентичность.

Годы победившей революции и Гражданской войны (1917–1921) недаром называют периодом русской катастрофы XX века – ломались привычные представления о космосе национальной жизни, на авансцену выступали прежде маргинальные социальные группы, перепахивалось само «семантическое поле» русской культуры: язык, система смыслов, аксиологические ориентиры, нормы поведения... (подробнее см. ЗАКРУЖНАЯ 2017).

В настоящей статье речь пойдет о произошедшем в огне революции 1917 года разрыве понятий «земля» и «народ», которые в русской культуре практически отождествлялись в течение столетий. Деконструкция концепта «народ» («русский народ») постепенно превращала его в лишенный семантической сердцевины симулякр вроде «союза рабочего класса и крестьянства» или «многонационального советского народа». Это положение во многом сохранилось и в постсоветскую эпоху. Русская литература рубежа XX–XXI веков в ряде случаев демонстрирует устойчивость и даже усиление указанного сдвига: в качестве примера назовем романы «Кысь» (2000) Т. Н. Толстой, «Укус ангела» (2000) П. В. Крусанова, «2017» (2006) О. А. Славниковой и др. (подробнее см. БОГДАНОВА 2017а). Вполне возможно, однако, что обнаруженная черта связана не только с уникальной историей России, но и с общемировыми процессами XX века. Такими авторами, как З. Фрейд, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет и др., многократно отмечена происходившая на их глазах трансформация исторических культурных народов в безликую стандартную массу, легко управляемую тоталитарными вождями. Свои первые социально-политические плоды массовизация в ряде европейских стран, в том числе и в России, стала приносить как раз к концу 1910-х годов.

Н. А. Бердяев, к примеру, отмечал, что в период Первой мировой войны и последовавшей за ней революции «в России появился новый антропологический тип, новое выражение лиц», причем этот «новый душевный тип, призванный к господству в революции, поставля[л]ся из рабоче-крестьянской среды» (Бердяев 1990: 101). В постиндустриальном обществе конца XX – начала XXI века массовая культура действует уже не прямым принуждением, но манипулирует атомизированным «человеком массы» посредством иллюзорного удовлетворения его потребностей. Современная глобализация с ее очевидным ослаблением связей между «землями» и населяющими их народами – логическое развитие указанного процесса.

Обратимся, наконец, к литературе эпохи Великой русской революции первой трети XX века, чтобы воочию убедиться в реальности произошедшего сдвига. Для этого рассмотрим произведения, принадлежащие разным сферам словесности: художественной прозе, лиро-эпической поэзии, публицистике, ораторско-риторическим жанрам, эго-литературе (дневники), – и авторам различных политических взглядов и художественных ориентаций: Д. С. Мережковскому, С. Н. Булгакову, М. М. Пришвину, А. М. Ремизову, С. Н. Дурьлину, М. А. Волошину.

Прежде чем непосредственно перейти к анализу их произведений, покажем, что до событий 1917–1918 годов тысячелетняя традиция отождествления земли и населяющего ее народа в русской культуре оставалась актуальной. С одной стороны, она восходила к рассказу о сотворении Адама «из праха земного» (Быт. 2, 7) в ветхозаветной книге «Бытие», с другой – к Элевсинским мистериям с их культом матери-земли, Деметры. В книге «Бытие» читаем: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7). Слово «земля» на иврите звучит как «адама» (אָדָמָה). Очевидно, что человек и назван так потому, что был создан из земли, «праха земного». Культ земли – Деметры – в древности процветал и в эллинском язычестве, составляя суть Элевсинских мистерий. Мать-земля рождала людей и забирала их обратно в свое лоно. По древнегреческим народным воззрениям, существовал «круг рождений», когда души предков возвращались из земли к новой наземной жизни (см. Смирнов 2004: 444). Аналогично и для древнерусского народно-языческого сознания: земля была «доподлинной матерью, без всяких аллегорий, с прямолинейностью наивно реалистического мировосприятия» (Комарович 1960: 98). «Земля воплощала в мировоззрении славян не только образ матери человека, но и весь род как единство живых и уже отошедших в мир иной. [...] Лежащие в земле предки как бы сливались с нею, становились ее частью» (Топорков 1995: 194). В русских былинах земля имеет «атрибуты, образующие фундаментальную для архаичной мифопоэтической модели мира оппозицию **свой – чужой** (*другой, иной, заморский, дальний*), осмысляемую одновременно в терминах оценки: *святой, славный – неверный*» (Топорова 2011: 53). По В. И. Далю, одно из ключевых значений слова «земля» связано с разделением на мировые стихии: огонь, воздух, воду и землю. Под последней

понимается «всякое твердое, нежидкое тело, четвертая стихия, и в этом значении» самое тело человека именуется *землю*. *Земля еси, в землю отъидеши*». Еще одно из важнейших значений слова «земля» – «...народ и занимаемое им пространство...» (Даль 1: 678). Симптоматично, что первое, главное значение слова «народ» в словаре Даля – «люди, народившийся на известном пространстве» (Даль 2: 461).

Таким образом, отождествление земли и народа проникало в русскую литературу через многие источники: Библию, византийскую книжность и фольклор. В XIX веке оно бытовало, в частности, в среде «почвенников», в сочинениях А. А. Григорьева и Ф. М. Достоевского. Так, для последнего «почва» – «все, что родит и роднит: народ, родина, родная речь, родная земля. Их объединяет тайна России» (Захаров 2012: 21). Присутствует оно и у многих литераторов рубежа XIX–XX веков, например в статье А. А. Блока «Стихия и культура» (1908). Здесь о людях из народа сказано: «Земля с ними, и они с землей, их не различить на ее лоне, и кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик – живой. Только все на этой равнине еще спит, а когда двинется... пойдет вся земля» (Блок 2010: 94). Мережковский в эссе «Грядущий Хам» (1905), говоря о трех началах «духовного благородства», противостоящих «трем лицам» Грядущего Хама, в качестве первого называет, как одно целое, землю и народ – «живую плоть... России» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 2004: 25).

Итак, в 1918 году Мережковский закончил последнюю часть своей второй трилогии «Царство Зверя» – «14 декабря», – писавшуюся по следам революционных событий в России. Лейтмотивом проходит по всему роману образ земли. Начинается произведение с утверждения Мариньки, будущей жены декабриста Валериана Голицына, о том, что «любить землю – грех, надо любить небесное» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 7). Однако сам Голицын вскоре не раз вспомнит о соединенности неба и земли в Господней молитве «Отче наш» (см. МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 42, 161, 219, 228). Мотив земли также возникает в его сознании в связи с любимой девушкой как воплощением Вечной Женственности, Матери Пречистой, «родной матери-земли», России (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 69). Вскоре герою открывается, что его молодая жена земная и небесная одновременно, в ней Мать Божия и мать-земля. После свидания с ней в тюремном садике Петропавловской крепости Голицын опускается на колени и целует землю – «Мать Пречистую» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 215). Автор религиозно-революционного «Катехизиса» Сергей Муравьев-Апостол, чье мировоззрение Мережковский полностью разделял, говорит перед казнью своему ближайшему другу Голицыну «о Земле Пречистой Матери», а также о том, что Россию спасет «Христос и еще Кто-то» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 233, 245), целуя напоследок не только священнический крест, но и землю. Муж Мариньки читает в дневнике Муравьева-Апостола о предательстве народом дела религиозной революции. Под этим впечатлением он в отчаянии решает: «...и гибнуть нечему: никакой России нет и не было» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 254). Но вспомнив о Мариньке и стоящих за ней символических образах,

понимает, о Ком говорил казненный декабрист, – «Россию спасет Мать...» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 258). Этими словами заканчивается роман. Итак, по мысли автора «14 декабря», Россия выживет, потому что она больше населяющего ее народа, она еще и земля.

Народ в романе явно изображен под знаком Октября 1917 года – во время восстания (конца 1825 – начала 1826 года) солдаты Черниговского полка в одночасье превратились «в разбойничью шайку, в пугачевскую пьяную сволочь». И командир его, Сергей Муравьев-Апостол, «понял самое страшное: для русского народа вольность значит буйство, распутство, злодейство, братоубийство неутолимое; рабство – с Богом, вольность с дьяволом» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 229). «Страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ», пророчески ужаснулся узник Алексеевского рavelина: «Зверь идет. [...] Россия гибнет...» (МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 234). Лучшие герои революционного романа Мережковского – Голицын и Маринька – не сомневаются: для Христа необходимо «убить Зверя» (см. МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990: 162–163). В контексте 1917–1918 годов, когда монархия в стране уже была свергнута, это можно понять только так: ради сохранения России как земли нужно уничтожить предавший ее народ...

В открывшемся ему в ходе революционных событий 1917 года распадении единства земли и народа Мережковский сближался с некоторыми авторами сборника статей о русской революции «Из глубины» (1918), представителями религиозно-философской и либеральной интеллигенции и своими былыми оппонентами по вопросам о самодержавии, народе и интеллигенции как элементах революционного процесса в России (подробнее см. БОГДАНОВА 2017b). Например, в «современных диалогах» С. Н. Булгакова «На пиру богов. Pro и contra», где отмечалось «оподление целого народа», «загуб[ившего] и опоган[ившего]» собственную страну (Булгаков 1991: 314), один из их участников, Писатель, так выражал надежду на будущее воскресение родины: «...русская земля... спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...» (Булгаков 1991: 353). Другой автор «Из глубины», В. Н. Муравьев, прямо заявлял: «...народ разрушил Россию» (МУРАВЬЕВ 1991: 416).

О том же свидетельствует и «Дневник» М. М. Пришвина 1918 г. В ответ на высказанную собеседником мысль: «...Русскую землю нынче, как бабу, засек пьяный мужик, и лучину, которая горела над этой землей, задул, теперь у нас нет ничего: тьма. Как может что-нибудь выйти из ничего, из тьмы?» – писатель обратился к библейской метаистории, указывающей на первородство земли по отношению к ее населению: «Вначале земля была безвидна и пуста, а потом из ничего началось творенье» (Пришвин 1994: 53). Пронизывающий дневники Пришвина 1918–1922 гг. «мотив грехопадения» народа подробно исследован Е. Ю. Кнорре (Константиновой) (см. КНОРРЕ 2016). В рассказе «Адам» (1918) тот же писатель повествует о судьбе разоренной окрестными крестьянами помещицкой усадьбы Колодези. Этот прекрасный, любовно возделанный многими поколениями русских людей уголок родной земли, напоминавший первозданный рай, в одночасье превращен безжалостными

грабителями в место «последнего оголения, до первой глины, из которой слеплен был человек» (Пришвин 1982: 621): «парк вырублен до последнего дерева, и склон, на котором он рос, теперь оказался оврагом. Нет следа на том месте, где на черном дворе стояла людская, конюшни, амбары, нет служб на красном дворе, и дома нет... весенние птицы – гнездовики этой усадьбы, – прилетая, вьются над пустым местом и, не узнавая его, пролетают неизвестно куда» (Пришвин 1982: 621–622). А ведь «русская земля» – это не просто участок суши с определенными географическими координатами, это прежде всего память, традиция, это культурный слой с могилами предков и следами их деятельности по превращению когда-то «пустой» земли в пашни, города, сады, подобие рая. Пришвинская мысль очевидна: крестьяне-грабители предали родную землю, тот высший смысл, который в ней жил. Так, например, один из мужиков-«Косычей» хохотал над драгоценным трюмо из красного дерева, в котором когда-то отражалась культурная жизнь владельцев усадьбы: «Вот раньше барыня смотрелась, а теперь кобыла!», «Вот раньше барыня смотрелась, а теперь сука!». А потом «взял кирпич, ударил в зеркало. Взял другой и еще ударил – все разбил в мелкие кусочки» (Пришвин 1982: 622). Теперь это совсем другой народ, так называемый «второй Адам», самозванно пришедший к «дележу» намного позже получившего из Божьих рук землю «первого Адама» – народа, который обустроивал «русскую землю» в течение веков. Последний представитель «первого Адама» в рассказе – ночной усадебный сторож Петр Петров – поднял «кусочек зеркала..., посмотрелся, каким Господь Бог его выгнал из рая, бросил кусок разбитого зеркала на голую землю и пошел» (Пришвин 1982: 622). Куда? Позади «нет ничего», впереди – «одни овраги-глинища» (Пришвин 1982: 622). Теперь хозяин «второй Адам», и пахотная земля под его властью «усаживается, зарастает бурьяном», «стала... трескаться», рожь «забурела». А прежние хозяева, «первый Адам», больше «не смеют [ее] пахать»... (Пришвин 1982: 616, 618).

В эсхатологическом «Слове о погибели русской земли» А. М. Ремизова, написанном вслед за октябрьскими событиями 1917 года, видим сходную картину. Вспоминая о чудесном спасении России в лихолетье Смутного времени (начала XVII века), автор писал: «поднялись русские люди во имя русской земли...» (Ремизов 2000: 404). «Русская земля» здесь самостоятельная величина, святыня, ради которой идут на подвиг. Однако теперешние «вожди слепые... душу вынули из народа русского», он потерял человеческий облик – «...слышу обезьяний гик», когда «пинают и глумятся над святыней...», «матерью... униженной» (Ремизов 2000: 405–406). «Смертный грех», «грех... непрощаемый» русского народа в том, что он «землю забыл... свою колыбельную» (Ремизов 2000: 409). Тем не менее, по слову Ремизова, «Светлый день» на Руси настанет, но связан он будет уже не с обезумевшим русским народом 1917–1918 годов, а с «будущими хозяевами земли, которые сядут на широкую русскую землю» (Ремизов 2000: 410). Симптоматично и то, что «Слово к матери-земле» и «Заповедное слово Русскому народу» писатель создал каждое само по себе, противопоставив в них две прежде нераздельные

составляющие России. В первом из «Слов» Ремизов прямо обратился к земле с просьбой о спасении русского народа: «Смилуйся, мать...» (см. Ремизов 2000: 411–412). Во втором призвал «обокравший самого себя» народ к покаянию: «стукнись коленами о камень..., поцелуй ее, оскорбленную, поруганную тобою землю, и, встав, подыми свое ярмо и иди...» (Ремизов 2000: 415, 420).

Осмысляя сломы этой революционной эпохи в эссеистических записях «В своем углу» 1924 г., С. Н. Дурылин заметил, что из уст русского народа, когда-то сложившего былины и великую песню «Не шуми ты, мати, зеленая дубравушка», теперь раздается похабная частушка. Одно это, по мнению Дурылина, свидетельствует о «страшном перерождении» «всего душевно-телесного его состава», перестройке «из высшего в неизмеримо низшее вещество всех клеток и атомов его тела», перемене «к неизмеримо худшему, заведомо гнилому, всего состава его крови...» (Дурылин 2006: 156). А в более раннем рассказе «Грех земле» (1919), написанном в разгар революционных событий, автор дал объяснение случившемуся с его народом. Первая часть рассказа ведется от лица кладбищенского священника, принимавшего «в покаянные дни... всенародную общую исповедь» (Дурылин 2017: 200). И вот среди обычных человеческих грехов: воровства, зависти, осуждения, ропота, отчаяния и т. п., – из уст молодого, красивого, сильного солдата прозвучало «неканоническое» признание: «я..., батюшка, ...земле грешен» (см. Дурылин 2017: 202). И это был «главный грех», мучивший солдата «давящей» тоскою и не способный выразиться в словах. И еще это был грех целого поколения «детей страшных лет России» (см. Блок 1997: 187) – Первой мировой войны и революции. Что же сделал этот солдат и миллионы таких же, как он, вопрошал автор, «что самое слово не вскрывает томящего греха», а только повторяется с тоской: «Я землю обидел. Я земле грешен. Что же он сделал?» (Дурылин 2017: 204).

Мотив греха против матери-земли, тесно соединенный с представлением о ее святости, был присущ исконно языческому мирознанию русского народа на протяжении веков, что отражено в былинах и духовных стихах (см. Федотов 1982). Из него вытекал мотив исповеди земле, «странный обряд русской древности», имевший двойственный, языческо-христианский, характер (см. Смирнов 2004). Под влиянием православной церкви в народе постепенно сложилось софийное почитание земли как воплощения Богородицы – вспомним «софиологическую формулу» из «Бесов» Достоевского: «Богородица – великая мать сыра земля есть...» (Достоевский 1974: 116), – которое соединило языческое понятие о «грехе земле» с христианским покаянием (см. Зандер 1960).

Однако в дурылинском рассказе сама постановка вопроса указывает на разделение земли и народа, который, «согрешив» своей земле, утратил качества, делавшие его народом именно этой земли. Причем совершенный «грех земле» был настолько серьезен, что не мог быть ни исповедан, ни, соответственно, прощен...

Отмечая возросший интерес русской культуры Серебряного века к фольклорному духовному стиху, А. И. Резниченко пишет: «...трактовка матери-заступницы Земли безгрешной как страдающей от человеческого греха характерна для 1910-х гг., когда теллурические мотивы присутствовали в творчестве многих современников С. Н. Дурылина – как поэтов, так и философов (достаточно вспомнить философов С. Н. Булгакова, свящ. П. А. Флоренского и кн. Е. Н. Трубецкого; поэтов Н. А. Клюева и Вяч. Иванова). Однако здесь еще нет речи о метафизическом предательстве, непрощаемом грехе. Тема непрощаемого греха (вариант: всеобщей бесноватости) в разных своих формах появляется в русской философской риторике только после Октябрьского поворота 1917 г. и Гражданской войны» (Резниченко 2017: 197–198).

Если обратиться к творчеству М. А. Волошина революционных лет, то увидим, как в неопубликованной при жизни статье «Русская бездна» (1919) он настойчиво говорил о спасительной роли русской природы, русской земли по отношению к населявшему ее народу и в Смутное время, и в периоды борьбы с Карлом XII, с Наполеоном, и в годы Первой мировой войны: «Когда слабели люди, на защиту Руси выступала стихия и отвечала врагу то морозом, то пламенем пожаров, то непреодолимыми пространствами»; «когда Франция и Англия боролись за свое существование, – у нас в России было чувство безопасности: „География постоит за нас“» (Волошин 2008: 412). В стихах, приведенных в другой неопубликованной при жизни статье тех же лет – «Россия распятая» (1920), Волошин сосредоточился на характеристике «безумием объятото», «бесноватото» народа, который свою родину «сам выволок на гноище, как падаль» (Волошин 2008: 464–465). «Иудин грех» русского народа по отношению к России непростителен по определению – по аналогии с евангельской историей о предателе Христа, который сам обрек себя на гибель... А в стихотворении «Китеж» читаем:

Святая Русь покрыта Русью грешной
И нет в тот град путей...

(Волошин 2008: 493)

Другими словами, Святая Русь, святая русская земля жива, несмотря на отпадение от нее Руси революционной. Однако связь между ними оборвана...

Но не столь пессимистично стихотворение «Заклятье о Русской земле». В фольклоре заклинье – жанр народной обрядовой поэзии, обладающий магической интенцией, направленной на осуществление желаемого. Хотя автор и верил в то, что «Русь встанет» благодаря некоему «железному Мужу» – фольклорно-мифологическому персонажу, поедающему человеческие боли и беды и тем самым освобождающему от них, – в момент написания стихов земля лежала

Разоренная,
Кровавленная, опаленная.
По всему полю –

Дикому – Великому –
Кости сухие – пустые,
Мертвые – желтые...

Тем не менее очевидно, что «Свято-Русская» земля, превращенная обезумевшим народом в «Дикое поле», в недрах своих сохранила спасительный, целительный, свой воскресительный потенциал:

Не пламя гудит,
Не ветер шуршит,
Не рожь шелестит –
Кости шуршат,
Плоть шелестит,
Жизнь разгорается...

(Волошин 2003: 364–365)

Если вдуматься, то Библия дает не один пример устранения прежнего, «недостойного», народа с его бывшей земли и поселения на ней нового, более соответствующего Божественному замыслу: история Всемирного потоп и корабль Ноя, на котором спаслись начатки нового человечества; уничтожение прежних хозяев Святой земли: «хананеев, хеттов, евеев, ферезеев, гергесеев, аморреев и иевусеев» (Нав. 3, 10) – ради заселения ее народом Божьим, израильтянами... Последнее сопровождалось крайней, беспощадной жестокостью, подробно описанной в ветхозаветной книге «Иисус Навин». Встречается подобное и в дальнейшей истории: например, истребление индейцев и заселение Северной Америки христианами, выходцами из стран Европы; турецко-мусульманский геноцид и депортация христиан, армян и греков из Малой Азии в XIX веке. Картину «всемирного движения народов» на стыке средневековых Азии, Африки и Европы, связанного с актуализацией в среде каждого из них религиозно-эсхатологических, апокалипсических заданий, воссоздает А. Дуккон (см. Дуккон 2016: 46–49). Не исключено, что та же матрица реализовывалась в 1920–1930-е годы и в России – только отбор происходил не по вероисповедно-этническому, а по социально-идеологическому признаку. Неудивительно, что в обрисованной парадигме по-новому осмысляются попытки советской верхушки в первые десятилетия своей власти создать качественно новое население на прежней русской земле. Для этого было предпринято целенаправленное уничтожение различных социальных групп: дворянства, духовенства, крестьянства, – что отразилось в ряде антиутопий XX века («Мы» Е. И. Замятина, «Котлован», «Чевенгур» и «Ювенильное море» А. П. Платонова, «Архипелаг ГУЛАГ» А. И. Солженицына и др.).

Безусловно, победившая большевистская власть и рассмотренные выше писатели-интеллигенты по-разному оценивали «достоинство» и «недостойнство» русского народа в аспекте права на владение им землей, на господствующее положение в стране: для первых желательными качествами были отказ от старой культуры, атеизм, готовность преступить традиционные нрав-

ственные нормы; вторые видели во всем перечисленном предательство России. Однако обе стороны удивительным образом сходились на том, что прежнее население страны больше не соответствует требованиям, необходимым для вхождения в новую жизнь, будь то социалистический (коммунистический) или христианско-хилиастический «рай на земле». Другими словами, архетипическая схема была единой.

Таким образом, представляется возможным констатировать сдвиг, произошедший в литературной топике под прессом революционных потрясений 1917–1918 годов, – расщепление до этого прочно спаянных в русской картине мира культурных концептов «земля» и «народ» и начало деконструкции последнего из них.

Литература

- БЕРДЯЕВ 1990 = БЕРДЯЕВ Н. А. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва, 1990.
- Блок 1997 = Блок А. А. *Рожденные в года глухие...* В кн.: Блок А. А. *Полное собрание сочинений в 20 томах*. Т. 3. Москва, 1997. 187.
- Блок 2010 = Блок А. А. Стихия и культура. В кн.: Блок А. А. *Полное собрание сочинений в 20 томах*. Т. 8. Москва, 2010. 90–96.
- БОГДАНОВА 2017a = БОГДАНОВА О. А. Русская революция 1917 года в неомифологическом романе начала XX и рубежа XX–XXI веков: преемственность и полемика. *Вестник Томского государственного университета* 48 (2017): 131–142.
- БОГДАНОВА 2017b = БОГДАНОВА О. А. Достоевский и революция 1917 г. в осмыслении авторов сборника «Из глубины». *Известия РАН. Серия литературы и языка* 2017/1: 47–54.
- БУЛГАКОВ 1991 = БУЛГАКОВ С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги. В кн.: *Вехи. Из глубины*. Москва, 1991. 290–353.
- БУЛГАКОВА 2008 = БУЛГАКОВА А. А. *Топика в литературном процессе*. Гродно, 2008.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ 1989 = ВЕСЕЛОВСКИЙ А. Н. *Историческая поэтика*. Москва, 1989.
- ВОЛОШИН 2003 = ВОЛОШИН М. А. *Собрание сочинений в 14 томах*. Т. 1. Москва, 2003.
- ВОЛОШИН 2008 = ВОЛОШИН М. А. *Собрание сочинений в 14 томах*. Т. 7. Выпуск 2. Москва, 2008.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Москва, 1989.
- ДОСТОЕВСКИЙ 1974 = ДОСТОЕВСКИЙ Ф. М. *Полное собрание сочинений в 30 томах*. Т. 10. *Бесы*. Ленинград, 1974.
- ДУККОН 2016 = ДУККОН А. Концепт «народ-богоносец» в литературном окружении Достоевского и икона «Страшный суд» в истолковании Ф. И. Буслаева. В кн.: *Достоевский. Материалы и исследования*. Т. 21. Санкт-Петербург, 2016. 44–55.
- ДУРЫЛИН 2006 = ДУРЫЛИН С. Н. *В своем углу*. Москва, 2006.
- ДУРЫЛИН 2017 = ДУРЫЛИН С. Н. Грех земле (письмо к другу). *Христианское чтение* 2017/1: 200–208.
- ЗАКРУЖНАЯ 2017 = ЗАКРУЖНАЯ З. С. Круглый стол «Историография Гражданской войны в России в памятниках литературы, эго-документах и публицистике». *Studia Litterarum* 2017/3: 370–381.
- ЗАНДЕР 1960 = ЗАНДЕР Л. А. Земля благая. В кн.: ЗАНДЕР Л. А. *Тайна добра. Проблема добра в творчестве Достоевского*. Франкфурт-на-Майне, 1960. 31–62.

- ЗАХАРОВ 2012 = ЗАХАРОВ В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема. В кн.: *Проблемы исторической поэтики*. Выпуск 10. Петрозаводск, 2012. 14–24.
- КНОРРЕ 2016 = КНОРРЕ [КОНСТАНТИНОВА] Е. Ю. Сюжет о пути в Китеж в дневниках М. Пришвина 1917–1922 гг. В кн.: *Белые чтения. К 85-летию Галины Андреевны Белой*. Москва, 2016. 84–94.
- КОМАРОВИЧ 1960 = КОМАРОВИЧ В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков. В кн.: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 16. Москва–Ленинград, 1960. 84–104.
- МАХОВ 2004 = МАХОВ А. Е. Топос. В кн.: *Западное литературоведение XX века. Энциклопедия*. Москва, 2004. 401–403.
- МАХОВ 2008 = МАХОВ А. Е. Топос. В кн.: *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий*. Москва, 2008. 264–266.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ 1990 = МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С. 14 декабря. В кн.: МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С. *Собрание сочинений в 4 томах*. Т. 4. Москва, 1990. 5–258.
- МЕРЕЖКОВСКИЙ 2004 = МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С. Грядущий Хам. В кн.: МЕРЕЖКОВСКИЙ Д. С. *Собрание сочинений*. Москва, 2004. 4–26.
- МУРАВЬЕВ 1991 = МУРАВЬЕВ В. Н. Рев племени. В кн.: *Вехи. Из глубины*. Москва, 1991. 402–423.
- ПАНЧЕНКО 1986 = ПАНЧЕНКО А. М. Топика и культурная дистанция. В кн.: *Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения*. Москва, 1986. 236–250.
- ПРИШВИН 1982 = ПРИШВИН М. М. Адам. В кн.: ПРИШВИН М. М. *Собрание сочинений в 8 томах*. Т. 2. Москва, 1982. 615–622.
- ПРИШВИН 1994 = ПРИШВИН М. М. *Дневники. 1918. 1919*. Кн. 2. Москва, 1994.
- РЕЗНИЧЕНКО 2017 = РЕЗНИЧЕНКО А. И. «Погубил челованьице хрестное...». Рассказ С. Н. Дурылина «Грех земле» (1919), его история, контексты, интерпретации. *Христианское чтение* 2017/1: 189–199.
- РЕМИЗОВ 2000 = РЕМИЗОВ А. М. *Собрание сочинений*. Т. 5. *Взвихренная Русь*. Москва, 2000.
- СМИРНОВ 2004 = СМИРНОВ С. И. Исповедь земле. В кн.: СМИРНОВ С. И. *Древнерусский духовник. Исследование с приложением. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины*. Москва, 2004. 429–473.
- ТОПОРКОВ 1995 = ТОПОРКОВ А. Л. Земля. В кн.: *Славянская мифология. Энциклопедический словарь*. Москва, 1995. 192–195.
- ТОПОРОВА 2011 = ТОПОРОВА Т. В. Эпическое слово: обозначение земли в русских былинах. *Вопросы филологии* 2011/2: 52–55.
- ФЕДОТОВ 1982 = ФЕДОТОВ Г. П. Мать-земля. К религиозной космологии русского народа. В кн.: ФЕДОТОВ Г. П. *Полное собрание статей в 4 томах*. Т. 3. *Тяжба о России. Статьи 1933–1936*. Paris, 1982. 219–240.